

18+

Алексей БОЛОТНИКОВ

Путешествие
розой ветров

Алексей Болотников

Очарование розой ветров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12196877

ISBN 9785447427771

Аннотация

«Очарование розой ветров» – творческий отчёт автора перед читателем, не чуждым таёжной романтики – ночёвки у костра, тропы и бездорожье, охота и рыбалка. Автор находит свои образы среди голубых гор, кедровых пагод, у малахитовой воды, под плач кукушки или перезвон дождевых капель. И органично вписывает в природный колорит своего героя – человека, блуждающего, преодолевающего путь земной или водный, очарованного «розой ветров». Читается легко и захватывающе.

Содержание

Поэтическая складчатость	8
Париж	8
Ночёвка	10
На озере	11
Пейзаж	13
«Сибирский рай ...»	14
Слово о золоте	15
Песня	16
К палатке	17
«Меню традиционное...»	18
Экспромт	19
Ода	20
В Солонечной	25
Ах, тайга	26
Дифирамб	28
Песня	31
В тайге	32
Лазоревые птицы	34
Андреевичу	36
Спич к бродягам	40
Спич к друзьям	41
Прощание с Харанором	42
«На востоке, на восходе раннем...»	43

«Солнц колючих колесница катит тень...»	45
«В поднебесном Голливуде съёмки за полночь идут...»	46
«Звёзды будничны средь небес...»	47
«Ветер с вечера на запад...»	48
«Дней молекулы в реторте...»	49
«О, поле полыни, струна ковыля...»	50
Спич к геологам	51
Компас	53
«Бариты, бариты, бариты ...»	54
В буровой	55
Геолог Борисюк	56
«Ты – Азия...»	57
Заготовки для «Поэмы под названием рыбалка»	58
Вступление	58
Бивак первый	61
Бивак второй	64
Бивак третий	67
Заключение	72
Песни	74
Ветер с моря	75
Сеньорита Сентябрина	77
Милая	80
Философская песня	81
Свадебная	82

Свадебная-2	85
Лена Николаева	87
Маруся, Маша, Марья	89
Лазурная песня	91
Весна	94
Песня жениха	96
Экстрасенс	98
Сон	100
Легенда о любви	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Очарование розой ветров

Алексей Болотников

*Дорогому мне, доброму, умному, потрясающе
жизнестойкому коллективу ОАО «Минусинская
геологоразведочная экспедиция» посвящается...*

Иллюстратор М. Злобин

Иллюстратор Н. Уляшина

Дизайнер обложки Н. Дувакина

© Алексей Болотников, 2020

© М. Злобин, иллюстрации, 2020

© Н. Уляшина, иллюстрации, 2020

© Н. Дувакина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-2777-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэтическая складчатость

Париж

*Ну, что, друг мой, свистишь,
Мешает жить Париж?
Из песни Ю. Кукина*

Париж мешает миражом в пути,
А наяву увидеть не могу.
И мне в Париж визит не нанести,
Да и ему не вырваться в тайгу.

Мешают жить мне не огни реклам,
Не тёмные громады Нотр-Дам,
Не каблучки французских милых дам,
Спешащих вечно по своим делам.

Порывы ветра, барабан дождя,
Хандра и анекдоты про вождя,
И перспектива не успеть в любви —
Как говорят французы, се ля ви.

Мешает Дик, в углу своём зевнув,
Блеск молний, словно отблики ножа.

И даже ты, палатку запахнув,
Мешаешь мне смотреть на парижан.

Ночёвка

Голубые горы улюлюкают: ау!
Пересмешник эха гомонится в вышине.
Ночь, как будто нюхая, склоняется в траву.
Слушает ауканье и ложе стелет мне.

Ночь, как падь таёжная, отчаянно темна.
Утонула в саване туманная луна.
Как всегда во фляге не осталось ни хрена:
Ни вина на доньшке, ни Алладина...

Ельники махровые и олени мхи.
Кто-то очарованный в сплетении ветвей
Дышит суеверием учёной чепухи,
Да косится чучелом – медведя чучелей!

Ох-хо-хо, таёжное житье-бытьё мое!
Доживем ли до утра, друг мой костерок?
Повалюсь и я в траву слушать потаённое:
То ли гулкий говор гор, то ли звездный хор.

На озере

На Иткуле, на озере,
По утренней по рани
Свершают птицы огари
Обряды обтираний.
Отыгрывают влажные
Марьяжные балеты.
Кричат особы важные
Речёвки к перелету.
А сосны клонят головы
С укорами, с досадами,
Скрипят над полуголыми
Птицами-наядами.
Им, соснам, тоже хочется
Плескаться и жеманиться.
И не легко – час от часа —
Терпеть судьбу-избранницу,
Избравшую их соснами
Скрипучими, степенными,
Не знающими космоса,
Не знавшимися с пеною,
С водою малахитовой
И с гордой птицей огарем...

Нет ничего здесь хитрого...
А мы не так живём?

Пейзаж

На Тибекe, в акустике
Кузнецкого Алтая,
Кукушки, вскинув клювики,
Качаются, болтая.

Являются кукушками,
Года и дни считают.
Предгорьями, опушками
Живут, в тайгу летая.

А там косуля дикая
Косится из кустарника.
Пойдёт с горы, козликуя
Хвостом, словно фонариком.

Течёт водичка, булькая
По Бейке и по Тибеку.
Стоит Алтая гулкая
Тайга. Шумит. Аукает.

«Сибирский рай ...»

Сибирский рай —
Таёжные хребты.
Бреду, слабея,
Утомлен тайгою.
Ау, тайга!..
Не понимаешь ты:
Я сбит с пути,
Плутаю я тобою.

Слово о золоте

Анатолию Емельянову

Я не друг поискового золота.
И не враг я его... Молотком
Это золото в крошку измолото,
Словно пшёнка с парным молоком.

Нашим братом – алхимиком – аурум
Заколдован от сглаза. С тех пор
И несём мы, геологи, ауру
Бородатых романтиков гор.

Достается же нам это золото...
Жарким потом залито лицо.
Терпким солодом, будто бы молотом,
Убивает мужчин и юнцов.

Это золото, золото, золото...
Мне в раю ни к чему. А в аду
Никаким сокрушительным молохом
Не изгладишь улыбку мою!

Песня

Во Стране Дураков коронации,
Поиск ведьм и народных вражин:
Не последние лиха для нации,
Но не это печалит нам жизнь.

Ходят слухи, легенды и говоры,
Что в стране каждый – жулик и вор.
Ранят души пиастры и доллары,
Но у нас не о том разговор.

Нам надежность бы слева, а справа бы
Избавленье от шельм и дельцов.
Было б братство порукой, да дева бы
Обращала, смущаясь, лицо.

Нам бы искренность солнышка божьего,
Нам бы ветренность – не за шкалой...
И да будет, как прежде, положено
Чай от друга принять пиалой.

К палатке

*...Он стал генеральным конструктором
и – появилась палатка.*

В. Ковалев

Палаточка моя, двуместная облатка,
Облапила меня и моего собрата,
Приземиста, стоишь и ведь дрожишь немного,
А мы внутри, то бишь за пазухой у бога.

Ведём по пустякам с собратом спор научный.
Прости нас за стакан, не стилевой – насущный.
Да и в статьях иных мы так здесь органичны,
Будто наши дни тобою ограничены.

Прости нас, извини, палаточка-двуместка.
Нет нашей в том вины, что не дошли до места.
Уместны мы в ночи, и ты здесь так уместна,
Как сигаретный дым, связующий нас с лесом.

«Меню традиционное...»

Меню традиционное:

Галеты и тушенка...

Куренье рационное.

И путь – незавершёнка.

Экспромт

Чай с сюитой пополам
И – по-флотски – рис...
– Ванька, ты не мсье Иван,
А Авантюрист.
Что ты варишь по утрам?
Это можно есть?
...Верю-верю, но харчо
Не-воз-мож-ное!

Ода

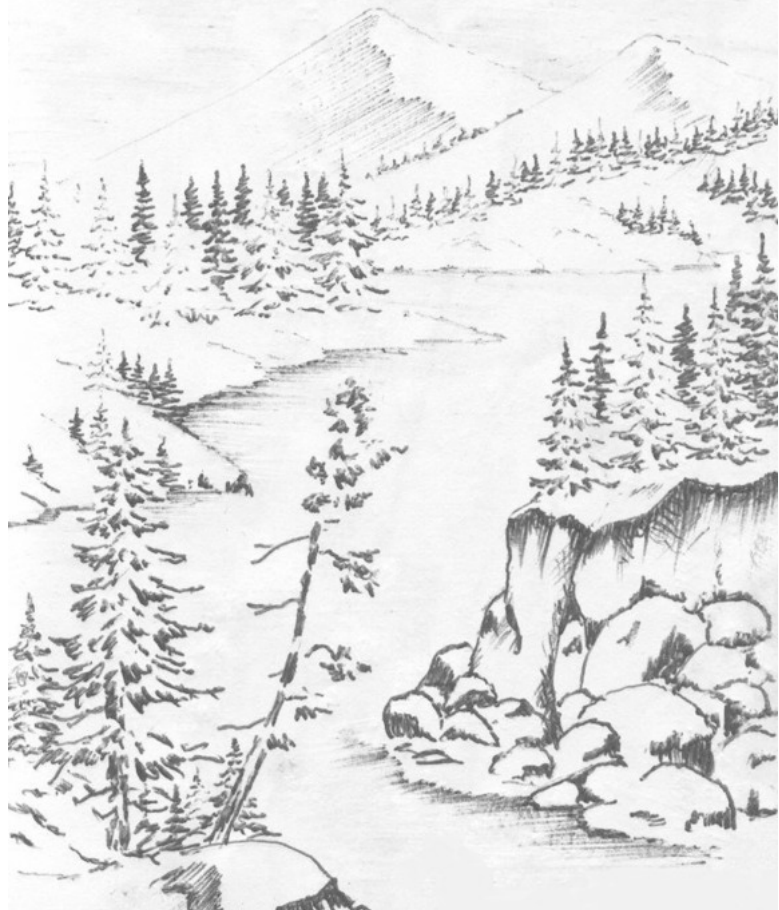
Ю. Михалёву

Ну что, Михалыч, посидим?
Ты главный кормчий наш...
Потом канаву зададим,
Соорудим шалаш.

Построим баню, стадион.
И выпишем балет.
Ну а потом... Потом о том
Взгрустнём на склоне лет.

На склоне горного хребта
Горит рябины куст.
Скажи, а правда, красота
Тоску наводит, грусть?

...Грустит сохатый, уперев
В зенит свои рога.

И старой грустью старых дев
Грустит трава в лугах.

Ах, эта девственная грусть
Нетронутой тайги!..
Она томительна, как груз
От радуги-дуги.

А помнишь древний внешний вид
За городом Миасс?
Нелепой формы батолит.
Гранит, иль диабаз?..

Урал, могутным пояском
Перехвативший ширь,
А за Уралом – на восток —
Сибирь, Сибирь, Сибирь...

В Сибири тоже хорошо.
И рыба есть, и зверь.
Ты сколько пехом-то прошел
Тайги, лесостепей?

А сколько тонн ты перенёс
В потёртом рюкзаке?..
Сибирь чудесна! А мороз...
Мороз и в Африке...

А ты, Михалыч, поседел,
Как мраморный утёс.
Среди твоих насущных дел
Был мрамор. Был всерьёз.

Ещё был рыхлый фосфорит
И жёлтый тот *металл*...
Но что об этом говорить,
Ты ведь дела не сдал.

Ещё по хребтику идём,
Чепыжники кляня.
Внизу нас кухня ждёт. И дом.
А главное – родня.

Ещё нам – поле перейти
И город заложить.
Дай бог не сбиться нам с пути
И жить, и жить, и жить...

* * *

Затянуло горизонт
Цветом питерским.
Фейерверки и озон —
От Юпитера.

Протекает по углам

Антитеррикон.

Дождь. Брезентовый вигвам.

Клонит в сон.

В Солонечной

А. Крестовникову

Осточертело от накала
Пустопорожней болтовни.
О, Саня Крестик, чёрт лукавый,
Возьми гитару и – шумни.

Открой же шлюзы от вокала
Иерихонския трубы!
Дрожи, сибирская Ла Скала, —
Театр сугробов и пурги!

Пурга... Как зверь она завоет...
Приятен рокот хрипотцы.
Пуржит мелодия гобоя.
По декам взвизгивают псы.

Ах, тайга

Песня

В. Адышеву

А тайга побуждает жить,
Если жить перестал,
Если в сердце ещё лежит
Впечатлений кристалл.

Погляди на себя в снегу:
Как гравюра груба...
Просуши над костром судьбу.
И судьба – как судьба.

Перехватит в пути тоска,
Опечалят дожди.
Воспарённый до кипятка
Чай в себе остуди.

Среди прочих таёжных нег
Не последнее средство – чай.
Если завтра пробросит снег —
Это не невзначай...

Это твой, это мой сюжет,

Это наша жизнь!
Впечатляйся же и уже
На вершине держись.

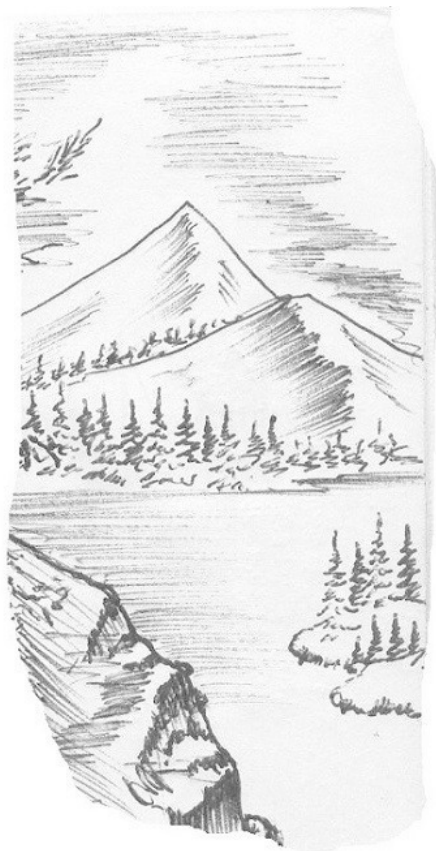
Дифирамб

Работяги мои дорогие,
Под летучим прозванием «бичи»,
Вы не чтёте морали благие
И чефирные пьёте чай.
Мастера БСЛ¹ и другие
Проходимцы, пропойцы, рвачи,
Разделили мои ностальгии —
Разделите мои калачи.

Вы на Запад идёте, на запах
Потогонных и грубых работ.
В куражах, при ножах и при шляпах,
На условиях римских рабов.

Вы на Север идёте и с теми,
Кто своей не сносил головы,
Своих ног не сносил по колени,
А напитан уж ядом молвы.

¹ Большая совковая лопата.

Ветерки, горизонты земные,
Древний опыт сожженья мостов...
Бесконечно-беспечно-хмельные,

Вы идёте на Дальний Восток.

Кто вы? Что вы? Куда и откуда?
Презирая покой и уют,
Вожделеете разве что чудо:
«Закатиться б на призрачный Юг!»...

Работяги мои дорогие,
Неприкаянный, тёртый народ,
Робы рваные, души нагие...
Покурили? Ну что же, вперёд!..

Песня

Однокашнице

У тайги нет твоих примет.
Ах, тайга как тайга.
Край пропащий. А, впрочем, нет.
Мне тайга дорога.

Здесь кедровые пагоды,
Тополёвый пожар.
Здесь пунцовые ягоды
Твоих глаз – твоих чар.

Вороха твоих писем мне
Не прошли перевал.
Ты могла бы вполне... вполне...
Я ж тебя целовал.

Я тебя целовал во сне.
Извини, коли что...
Ах, Елена Шаракшанэ,
Ах, мой маленький той.

В тайге

П. Утяшеву

Чу! Плачет бурундук.
И польхнёт зарница.
Не нервничай, мой друг,
Не надо изводиться.

Чреда дождей дана,
Чтоб мы являлись чище.
...Какие ордена?
Ну, что ты всё о пище!

Как бурундук кричит,
Глашатай непогоды,
О, как он нарочит!
Как лупит он акккорды!

Как вожденна жизнь...
Взметнись, костер мой пылкий!
...Да к чёрту укоризн
Твоих, мой милый, шпильки...

В плену у лиственниц
Петляет речка Ипчуль.
Ну-ну, не падай ниц:

Нас ищут, ищут, ищут!

Лазоревые птицы

Песня

А. Прохорову

Ты мужчина, Саян,
Богатырь, молодчина.
И надёжен, как бог,
И могуч, как титан.
Возвеличены в сан
До бродяжьего чина,
Мы уходим в маршрут
По таёжным местам.

Голуби лазури —
Лазоревые птицы —
Распластали крылья
В небесном вираже.
Излечимся от дури —
Лежать и суетиться,
Скучать и суетиться,
Брюзжать и суетиться —
Лишь стоит на восходе
Молиться бирюзе.

До альпийских полян

И Жемчужного пика
До лазурной – с ума б не сойти – красоты
Мы уходим, бродяги,
Без шума и шика,
Но с правом бесспорным
Достичь высоты:

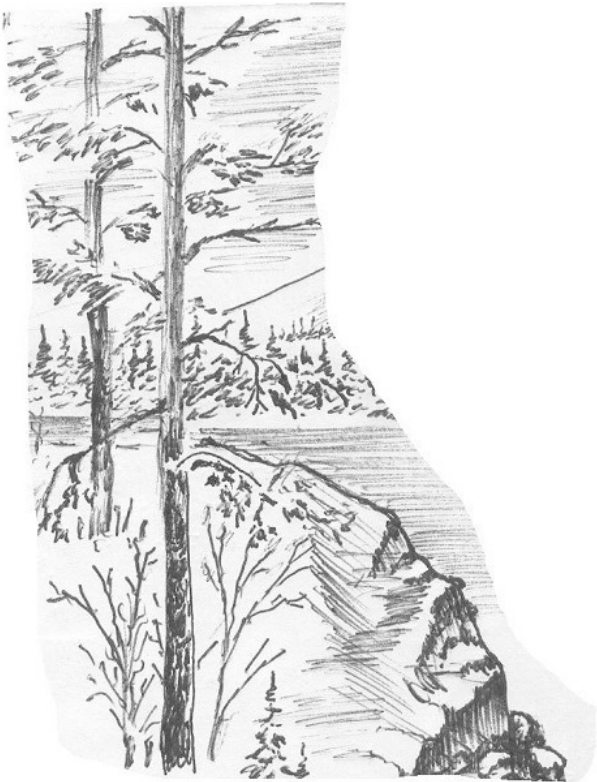
Будут ночи голубыми...
Виснет месяц – голубой.
И с оттенками любыми —
Круты-горы и сыр-бор.
Колоритно – с перламутром! —
Впишет день в палитру утра
Голубую бирюзу...

Андреевичу

В. А. Динделю

Вспоминаешь? Вспоминай
Утро... Ужун-джул...
Я про эти времена,
Друг мой, расскажу.
Там осинники дрожат.
Тихий гул – шёпот тысяч
Влюблённых в стогу.
Я на речке Чазы-Гол
Не был. Бражничал!
На Немире биваки не бивал.
Эка важность – что в ночи одичал...
Всё ж смотрел
С уважением в скважину.

По чепыжникам бродил,
В горы хаживал.
Съеден гнусом пару раз.

Оба – заживо!
Тягуны... курумы... кряж...
Ночь овражная!
Лучше всё же под шалаш...
С кралей важною.

Вспоминаешь? Вспоминай
Недра... Мезозой!
Шли проходчики сквозь штрек
К жилам золота.
Попадали – что скрывать —
Иногда в запой...
И звонил по ним назой-
ливый колокол.

Отрекались... «мы – не рабы»...
От страстей.
Занимали в полный рост
Положение.
Поднимали кореша
Тосты за гостей,
А кадык иной... сухой – за
Самоуважение.
Вспоминаешь? Вспоминай
С наслаждением!
Преферансные дела
И важнее что...
Поздравляем мы тебя
С днем рождения!
...Пусть приснится новая
Тебе женщина.

Слышишь! Томно токует
На Бейке глухарь.
Засветился в распадке

Первичный рассвет.
И ты выйдешь в ночь, под рас-
светный фонарь,
Вспоминать о том, чего
В сущности нет.
Вспоминаешь? Вспоминай,
Друг мой, старина.
Память тешит сердечко
Душою босой.
И ты выйдешь в ночь,
Прослезившись с вина,
И слезу... нейтрализуешь росой.

Спич к бродягам

О, я люблю вас,
я люблю вас,
бродяги, гордые, как смерть.
Я б написал вас,
словно Брюллов,
когда уметь бы мог и сметь
Душ пламенных
и обожжённых
дух, отрезвляясь, обнажать.
Как обнажают
только жены
иконы – пасть и обожать...
Как я люблю вас!
Это братство
скитальцев троп, путей, дорог.
И эту вашу страсть —
собраться
и припуститься за порог.
И об одном лишь
я прошу вас,
бродяг, замысливших свой путь,
Святому братству повинуюсь,
Меня, бродягу, не забыть.

Спич к друзьям

Друзья! Я с вами упивался
Ездой на старом ГТТ²,
Блужданием по тайге и вальсом
На покоровшемся хребте.

...Здесь мы, как проклятые боги,
Олимп оставив городской,
Пьём на Гуляевском пороге
Под первый тост: «За род людской!»
Полупустые «полторушки»
На Базыбаевский порог
Свели, как пушкинские кружки...
А Пушкин, кстати, тоже бог!
...Звенит поэзия и проза геологических эпох —
Одна-единственная «роза»
Сопровождающих «ветров»!
...Там нас, сынов и братьев солнца,
Ждёт пристань тихих берегов.
Друзья!.. Когда мы все вернёмся,
Упьёмся влагою богов!

² Гусеничный трактор-тягач

Прощание с Харанором

А. Осколкову

Прощай, Харанор. Извини... отчего-то
И солнце, и ветер, и посвист травы —
Всё то, что легко называлось «работа» —
Поверь, нелегко оставлять, но, увы...
Мой лучший участок! Степные просторы
И ландыши – жёлтые колокола,
Ветра, реактивные эти моторы,
Прощально ревут в тетиве ковыля.
Уже на пороге меня записные
Застанут друзья и, в машину сажая,
Достанут чеклагу, рога расписные,
И, дай только волю, проводят меня.
Прощай. Уезжаю без слёз и парада.
Здесь, знаешь, забудешь как пахнет хвоя.
Но всё же надейся... Надеться надо,
И всё возвратится на круги своя.

«На востоке, на восходе раннем...»

А. Калачёву

На востоке, на восходе раннем
День проснулся юный – понедельник.
На востоке широкоэкранным
Он явился, массовик-затейник...

Хоп! – и обронили кушаки
Нежно-малахитовые ели,
И иголки вмиг заголубели
Будто б перстни с царственной руки.
Хоп – на счастье! – хрустали сосулек.
Пузырьись шампанское в капели!
В кубке марта! В сумасшедшем гуле...
Ну, а что произойдёт в апреле?

На востоке, на восходе раннем
Нас разбудит извлечение трели
Глухарём, влюблённым ветераном,
На апрельском утреннем расстреле.
Будет солнце! Будут и потоки
Вешних вод с крутой Изых-горы.

...Нас с тобой не будет на востоке,
На восходе утренней зари.

«Солнц колючих колесница катит тень...»

Солнц колючих колесница катит тень.

И угрюмый, как возница, дремлет день.

– Что тебе, приятель, снится?

– Дребедень.

– А не хочешь прокатиться?

– Лень.

– Посмотри, на небе птица...

– Это облако кружится и бежит,

И вместе с тем тень наводит на плетень.

Лишь кузнечик-кружевница гонит сон.

Тишина в ушах... звенится... в унисон.

«В поднебесном Голливуде съёмки за полночь идут...»

В поднебесном Голливуде съёмки за полночь идут.
Фильм про каторжные будни, про космический уют.
Ассистенты режиссёра наблюдают из-за туч:
В панораме – молний ссора. Крупным планом – звёздный
путч.
Солнце всходит на востоке. Океан лежит на дне.
Объектив на солнцепёке приближается ко мне...

«Звёзды будничны средь небес...»

Звёзды будничны средь небес.

Но, однажды, взглядевшись ввысь,

Ты откроешь во мраке бездн

Галактический смысл.

«Ветер с вечера на запад...»

Ветер с вечера на запад.
Дождик встречный косо льёт.
Ель сидит на задних лапах,
Клюв задравши, дождик пьёт.

«Дней молекулы в реторте...»

Дней молекулы в реторте,
В колбе с химией земли,
Словно галечник, потёрты,
Мяты, рваны, как рубли.
«Этих дней не смолкнет слава»,
Как не пыжятся они,
Их осудят слева, справа
Бесы демократии.

«О, поле полыни, струна ковыля...»

О, поле полыни, струна ковыля...
О, песни кочующих березняков...
О, копны тугих облаков средь жнивья,
Вам до смерти предан – во веки веков!
Я сын ваш, точнее, должно быть, дитя,
Вобравшее в кровь аромат суховея.
Я ваша листва, с заветерий летя,
Расшаркиваюсь перед каждым из змеев,
Я каждому должен и каждому рад
Открыть рукопашное наше объятье.
О, зверь мой степной, я твой преданный брат,
Ты веришь?.. Крепко мое слово на клятве...
Клянусь! На краю океана степей,
На древнем кургане с лучами камней,
К земле азиатской, как старый репей,
Прирос я. И предан. И благостно мне.

Спич к геологам

Шумиловской поры плеяда:
Утяшев, Смолин, Михалёв,
Ящук и Прокин... Ах, неправда.
Плеяда – выдумка голов.
Куда относятся Жуковский,
Саянов, Геря или Кноп?
Идущие поздней – Островский,
Беспалов, Адышев... Стоп-стоп...
Геологов нельзя составить
Рядами на своих-чужих.
Их обожало солнце жарить.
Стожары остужали их.
Они в двухместные палатки
Селились в поле впятером.
В отроги горные и плато
Гуськом ходили, напролом
Беря чепыжники и чащи
И горной речки пережат.
Они в маршрут ходили чаще,
Чем в спальню городской их брат.
Шумиловской поры плеяда —
Геологи-разведчики.
Достойны памятной баллады,
Достойны песен, или спичей.
Другие – поисковики —

Искатели месторождений...
О каждом бы слагать стихи
И каждому – алмаз при жизни.
Они в открытиях резвились
И коренных, и россыпных
На Ужун-джуле, на Немире,
Бургоне, на хребтах иных...
Шумиловской поры геолог —
Он увлечённый, он таков...
Приходько, Единцев, Широнин,
Кириллов, Лира, Байдаков...

.....

Ну, что ж, мой спич «...далёк и долог».
Но пусть не дождь, не град, не снег
Тебя преследуют, геолог, —
Геологический успех!

Компас

Горный компас на ладони.
Азимут на юг. На сто семьдесят,
А то и – полный полукруг...
Сто восьмидесятый градус —
Это путь домой.
Главная сегодня радость.
– Ой!..
Компас выпал из ладони
В горный пережат!
И мечты мои о доме
Смыло в водопад...
Горный компас... Пропаду я
Без его услуг!
Азимут домой... ищу я
Вброд – за кругом круг.
Безусловно, гром не треснет,
Если пропаду.
Чу!.. до... слез моих... уместных,
Компас – на виду!
Горный компас на ладони,
Азимут на юг.
Вновь мечтается о доме,
И зовёт уют!

«Бариты, бариты, бариты ...»

Бариты, бариты, бариты —
Известняковые розы.
Неужто узоры морозные
В кристаллах баритовых скрыты?
Тяжёлые звёзды кристаллов
Ладони геолога греют.
Бариты, увы, неметаллы,
Но вес драгоценный имеют!

В буровой

В. Богданову

Круглые метры – не колбаса – керн.
Не хочет делиться земная кора ни с кем.
Но буровых зовут мастерами не зря:
Не доверялась бы не мастерам Земля.
Гранит, диорит с ортоклазом, а далее – гнейс.
А где же металл для страны? А на руки невест?
А где уникальное месторождение здесь?
Об этом расскажет геолог. На то он и есть.
Трудные метры: обрывы, прихваты и крен.
Рудные зоны не повышают, увы, процент.
– Геолог, скажи, о чём тебе шепчет керн?..
– Будешь богат... Пробури ещё метров семь.
Снаряд буровой – колонковая и сто штанг.
Скрипит на забое коронка с алмазным венцом.
Проходка. Затирка. Подъёмы, спуски. И так
До горной породы с золотозубым лицом.
Бурильщик, помбур и геолог пьют чай.
На керновых ящиках, на этикетках – стихи.
Морозное солнце сверкает улыбкой в лучах.
А выше – над вертлюгом – страсти небесных стихий...

Геолог Борисюк

Геолог Борисюк – значительный геолог.
Он значимо молчит на протяжении лет.
Зато земля кричит. Испытывает голод.
Давно уж фосфора в её питанье нет.

Геолог Борисюк – участливый геолог.
Он знает наизусть про жёлтый фосфорит.
 P_2O_5 , найдёт в хребтах известняковых,
Размелет его в пух и землю одарит...

Геолог Борисюк – добычливый геолог.
...Значительно дела в правительстве вершит.
Геологи идут. Их путь далёк и долог
Туда, где фосфорит, безмолвствуя, лежит.

«Ты – Азия...»

Ты – Азия,
Не перекасти-поле,
Не трын-трава, а золотой ковыль.
Скажи, скажи, какое душист горе,
Какая мука доставляет боль?
Ты – Азия,
Кыргызское межгорье,
Степная дорогая наша мать,
Окаменело в молчаливом споре
Глядишь на краснокаменную рать.
Ты – Азия,
Кричишь нам непогодой,
Весёлым ветром хочешь нас обнять.
Скажи, скажи,
Какую твою гордость
Должны мы сердцем и умом понять?

Заготовки для «Поэмы под названием рыбалка»

Дважды не умирают. В проточную воду нельзя войти дважды... Так, очевидно, нельзя вернуться к прежним ощущениям. «Поэма под названием рыбалка» осталась незаконченной. «Заготовки» – как памятник тем самым прежним ощущениям.

Вступление

На большое дело! На великое.
На рыбалку! Уклонясь от дел.
На недельку выписав каникулы...
Пионерский, стало быть, удел.
Рано утром вездеходом – за город,
В гулкие предгория Саян,
Напевая бодро: «Ах, бродяга я...»,
Полутрезв, точнее, полупьян.
Что за роскошь – в этакое времечко
Колесить по Минусинской впадине?
Тонус поднимать в пути по-бременски,
Ну, а может быть, по баден-баденски?
Что за чудо – откупорить шлюзы
Вожделенной внутренней свободы?

Отрешённо, томно, в ритме блюза
Отдаваться царственной работе.
На рыбалку ехать – на гастроли
Своего непризнанного «я»,
Ехать, словно Гамлет Датский в роли —
Так уж получилось! – короля.
Тракт. Паром. Имисс. Тюхтяты. Жаровский.
– Сколько лет я не был здесь, братва?
Сколько невостребованной жалости
Прёт, как огородная ботва?
Скорбные сибирские убожища,
Господом забытые места...
Старой веры корни... той ещё...
Жизнь как... продолжение поста!..
– Это спич, Андреич?
– Как молитвенно!
– Ты хоронишь рано рыбный край...
Кто там виночерпий?.. Эй, налейте нам,
Выпьем-ка, дружок, за этот рай!
– Больно знать: вы, братцы, легкоумые.
Надо думать, прежде чем сказать...
В шкуре протопопы Аввакума
Не горели души... вашу мать...
– Не встревай, точи крючки острее...
– ...Ах, язык острее, чем крючок!
Им бы ямбы править да хорей,
А не... тьфу... плевать на червячок...

.....

Дорогой читатель!
Не взыщи уже
с первых строчек
прозу
среди стихов.
Не суди поспешно.
Не по чину же
должен представлять я рыбаков?

Здесь мне чужд красивый флёр еля.
Обозначу сразу соль и сахар.
Почему простая речь милее?
Нет души среди иных метафор.

Мой герой – рыбак. Но не на много
Более, чем ты, читатель мой.
Если много ног у осьминога,
Нет здесь связи с тем, что он – немой...
Мой герой – рыбак. Не академик.
Равнодушен к почестям и славе.
Жить бы дали... да немного денег.
Здесь я рыбаков перечисляю:

Емельянов – цементация идеи.
Михалёв – рыбацкий бригадир.
Борисюк – «Главшпан» и соловей.
Диппель – самый главный командир.
Калачёв – приверженец идеи.

Колохматов – блудный сын тайги.
С. Шкуратов – муж, владеющий ладьёю.
Бастриков, Чебыкин – рыбаки.
О. Сермабрин – компромиссов гений
И субъект решительной руки.
Ну, и автор. Но об этой тени
В этих строчках – ни одной строки.

Мой герой – рыбак. Но в самом деле
Он рыбалкой промышляет жизнь?
Нет. Сидит в промышленном отделе.
Под капотом. В назначеньи клизм.
Ах, не важно. Важно изначально,
Чтоб хороший был он человек...
Чтоб вздыхать умел и петь печально,
Чтоб любил свой сумасшедший век.

Бивак первый

Гой ты, Русь! Сибирская сторонuşка —
Тын, плетень, заборы из жердей —
Пялишься прообразом подсолнуха,
Обликом веснушчатых людей.
Девки, грудью подперев поленницу,
Семечки грызут и пироги...
Двор минует конный. Кузню. Мельницу.
Всё – музей. Всё не уберегли.

Девки, парни, люди синеокие,
Жители моей цивилизации!
Вам достались времена жестокие:
Жёсткие, как жёлтые акации.
Что же песней русскою, по-девичьи,
Скромною, вольготною – по-бабьи —
В залихватском удалом величии
Не турнуть транзисторной ламбады?
Что же пляской с матерной частушкой
Не разрушить храм угрюмых мыслей?
Свадьбой звонкой, бражной, словно пушкой,
Да не жахнуть – дымом с коромыслом?!
Гой ты, Русь, сибирская сторонка —
Тын, плетень, заборы из жердей —
Чёрный ворон гонит пацанёнка,
Воду пьёт с колодезных бадей.

* * *

На Тайменное – за тайменем.
И не столько за чудо-рыбой,
Сколько всё же за переменной,
За обновой среды обрыдлой.
На Тайменное – на «Прогрессах»,
По Табрату, по речке то есть.
Ход реки и быстр, и напорист —
Это в наших же интересах!
Ход реки – о-ей! – суматошен,
А «Прогресс», словно лошадь в стойле,

Застоявшаяся лошадь,
Запросившаяся вдруг в поле.
И – пожалуйста! И без жалости,
До отказа дроссели газа!
Риск хмельной на пороге шалости.
О, пьянящий восторг экстаза!
Когда в прорву идёшь, рискуя,
И потом, когда прорва пройдена —
Заблажишь, от души ликуя:
– Здравствуй, милая! Здравствуй, родина!
Затабанишь, зависнешь в вёслах,
И – ту-у-у-да, куда не положено,
Куда господом не проложено
Ни речное дно, ни колесное.
И – повторно!.. почти потопное
Заполошное цирк-к-качество!
Прохождение беспонтонное
На «Прогрессе», как на карачках...

Не туристские это будни
И, естественно, труд не каторжный.
Рыбаки – в душах – те же блудни.
И проветриться насквозь надо же.

.....
Шёл баркас по речке, по Табрату.
Снизу вверх – в режиме а-ля-клип.
Шёл пешком, шурша по перекату,
Чертыхаясь килем: влип, дак влип!
Бороздил подводные пороги,

Забодал в нескучный миг залом.
Шёл баркас не гладко, по дороге
Отходя в цветной металлолом.

Бивак второй

Река в перекаты ласкается нежно:

– Боитесь, ребята?

– Боимся, конечно...

Но снова и снова

Сквозь пенную плесень

Сердечко понтона мечтает о плёсе.

И снова, и снова ребячьи нервы

Звонят на полтона отчаянней меры.

А страхи затона? А скаты излучин?

И страстны, и томны скрипы уключин.

Река в перекаты ласкается нежно:

– Боитесь, ребята?

– Боимся, конечно...

.....

Товарищ по страсти! Рыбак, рыбачок,

Раскручивай снасти, поплюй на крючок.

И – взмах богатырский, катушка скрипит,

Аж сыплются искры.. блесна ли блестит?

Блестит ли волна, отражаясь в лучах...

Рыбалка – она в самых разных вещах.

Товарищ по страсти! Рыбак... рыбачок...
Готовы ли снасти? Кукан? Червячок?

Рыбалка, поклёвка, прохлада, река.
Не шатко, не валко бредут облака.

Уйдут, хороводя небесный простор —
Речного народа роскошный шатёр.

Косыми лучами библейский дракон
Пакует колчаны полуденных солнц.

Тальник в тишине камышовой шуршит.
Дела во траве кто-то вышний вершит.

И хрестоматийное чувство души
Звучит кансонтиной в таёжной глуши.

.....

Сядешь с удочкой у реки,
Обретаешь не крылья, кажется, —
Дар парения, вопреки
Притяжению центра тяжести.
Мы исходим из чувств шести,
Открывается здесь седьмое.
Кровь ликует! Она, учти,
Голубая, сама собою...

Или барство у нас в крови,
Или чувство иных стихий.
Так и тянет: «Иди, твори!»
Так и манит писать стихи.

.....

Рыбалка, рыбалка... Река-молодчина.
Могуча и чинна, порою гневлива.
Характер мужской, но она не мужчина.
Она плодоносна, беременна, дивна.

Украсит личину плакучею ивой
И плачет стыдливо и беспричинно.
И образ ее – и святой, и наивный.
Он женственный, он обольщает мужчину.

Что нужно мужчине?
В чём видит он счастье?..
И образ любимой
И верное братство...
Но это «и... и»
Он не делит на части.
Влюбляться и верить —
Мужское богатство.

Рыбалка – не повод.
Рыбалка – причина.
Предчувствие. Чувство безмерного счастья.
Река – образ женский. Таков уж мужчина! —

Бросай же блесну!
Да не дергай так часто.

Ах, рыбацкое счастье мнимое.
Сядешь, удишь, надежду холя,
Бессловесною пантомимую
Дразнишь удочкой гладь покоя.
Мутишь, крутишь чертей залива,
Клева ждёшь простодушным волком.
Чу! Поклёвка... Волна игриво
Забавляется твоим оком.
Лов окончен. Улов не важен.
«Рыбаки наловили раков», —
Похохочешь в ажиотаже.
А процесс лишь меняет ракурс.

.....
У костра – час ночных стихий.
Притулился бочком к колоде.
Приглушив для иных мелодий
Свой, священный хорал тоски.

Бивак третий

Трескучие сучья (смольё листовьяка)
Сжирает, сжирает Горыныч стоглавый.
Лицо озаряется лет сорока.
О, сколько же здесь обывательской славы!

«...Сальце, колбаска, редиски пучок,
Варонные яйца и сыр «Пошехонский...» —
Зам, пом., или нач. – заводной мужичок! —
«И бог, извините за дерзость, японский...
...Я всё это видел, пусть вытечет глаз,
Простой, понимаешь, крючок, червячок,
А плюнет со вкусом и – хариус враз...
Такой ненавязчивый, знаешь ли чё...»

Байка, побаска, молва, анекдот...
Рассказы!.. Крутые бывальские страсти
Летят с языков в позевающий рот
Алчущей алой драконовой пасти.

«...Сорвётся, бывало... Да мало ли чё?
Не спортлото: уж скорей, ноу-хау.
Труд – понимаешь? Рука и плечо...
Крючок, червячок... И – уха...
Я всё это знаю. Но мало ли чё...
«Одно только небо и видел Болконский...»
Вода как вода. Червячок – червячок.
И бог, извините за дерзость, японский...»

Он шёл на удачу и молча бросал
Тайменную мышь, обречённую свыше.
Так – камень за камнем – он то воскресал,
То канул в себя с погружением мыши...»

* * *

Наш Борисюк – символ самосожжения.
Откуда-то вышел, куда-то стремится.
Чем рассчитается за уважение?
Самосожжением в кресле министра?
Саблей, саблюкой, шашкой казацкою
Грезливым отроком тешился, цацкался.
Бранным наследством (чеканностью лезвия)
По огородам подсолнухи срезывал.
Позже в «войсках брандербургского герцога»
Честно служил. И имел повышения.
К чести мундира (уже командирского),
К долгу и чести имел отношение.
Пел. Попивал. Не бургундское – герцога,
И не шампанское той же провинции.
Традиционно – под символом перца —
От сорока трех болезней... лечился.
Но – завязал... узелок на... сознании.
Стал фосфоритовою силою полниться.
Нет ничего, что мы знаем заранее.
Чем Борисюк наш нам завтра запомнится?

Словно меха у гармошки распорот
Занавес между прошедшим и будущим...
Нам, мужикам, не блудящим, а удящим,
Зябко дождейки стекают за ворот.

* * *

Пал сумрак. Серверуются светила.
Звезда моя сочувственно-нежна. Луна
Как курица, цыпущек вводит, в свет.
Им несть числа.
Магическая сила гармонии вселенской ойкумены —
От восхищенья и до выпученных глаз! —
Сведёт с ума... Остыла тьма. А с тыла
Стоит река, и женственна, и зла:
Ей, возбуждённой лаской от весла,
Томлений вряд ли хватит до утра.
У тла кострища лагерь наш дремал.
Дракон захлопнул пасть. Ещё дымило...
Я в жертвенник полено должен класть,
Но неба власть язычество во мне
Переменило на манихейство:
Жрец улёгся спать.

Звезда мне снилась. На сырой матрац
Сережки золотистые сронила,
И жгла, и жгла, и под бочёк ложилась,
И меч – меж нами – острием ребра...
Переполошило истошным визгом спящего жреца.
Горела вата ватника!
Светила звезда моя, сочувственно-нема. Луна
Глумилась.

...лодка гаже дна. И холодна, и сира.
По ватнику тоска моя текла.

Глаз свыкся с геометрией полы.
Но полыхали гармоничные миры —
Сквозь дыры.
Светало... ало... ало...
Комары.

* * *

Располагают к сочувствию слёзы.
А генератор таинственных мыслей —
Мрак – излучает случайные звёзды.
Выси небесные!
Тёмные выси.

* * *

А. Емельянову

Сядем, покурим не спеша.
Ельничек сторает по-бенгальски.
Ночь на удивленье хороша.
Звёзды искр и звёздные фугаски.
Ночь на удивление тепла.
Хочешь, искупаемся в заливе?
И душа до самого дотла
Освежится в ледяном заплыве.
Хочешь, выпьем? По сто... за тебя.
Хорошо, давай на брудершафт.
Дай нам, боже, ближнего любя,
Пережить крушение держав,
Пересилить судорожный смех,

Перемочь случайную слезу.
И седой невероятно снег
Вновь протаять в утреннем лесу.

Заключение

Ой, разлюли-малина Базыбая!
Сюда мы дотащились, прозябая
На послепаводковом буруне Казыра,
На черемшу и черемошник зыря.

Ой, пацаны, а шкалик разлю-лили!
А под уху? А если случай-кризис?
А есть Казыр! Его мы не допили.
Под омуля! За трезвый образ жизни!

Едва мы дотащились, прозябая,
До шумного, как Терек, Базыбая.
Обратно? Не вернемся, бог избави,
Нас Щеки ещё ждут. Не огибая.

* * *

О, Базыбай, гневливый князек,
Ты устрашающе буен в кипенье.
Сена стожки ли вражина пожар?
Вышел ли сын твой из повиновенья?

О, Базыбай, а кичливый твой род
Был, верно, долго удачливым родом?
Жёлтый же их, алтынханов, народ
Кровосмесил с твоим гордым народом.
О, Базыбай. имя гор, имя рек...
Стал имярек Базыбайским порогом.
Гнев обратил в буйнопенный поток.
Был человек. Стал же горным отрогом.

Песни для Саши Холкина

Компьютерная папка ПСХ – «Песни Саши Холкина» – дорогой мне раздел соавторства. Мало кто знает, что в бурильщике, в буровом мастере, в начальнике отряда Александре Холкине живёт вторая натура – композитор. Самобытный и талантливый. В соавторстве нами написано немало песен. Включаю некоторые из них в эту книгу по праву: ведь мы оба геологи. А. Б.

Ветер с моря

На музыку Саши Холкина

Ветер с моря – свежий ветер
С пенною волной.
В брызгах волн тебя заметил,
Лунный всадник мой.
Море шумело, билось,
И рокотал прибой.
Случилось!.. А что случилось?
Встретились с тобой.

В этот тёплый летний вечер
Буду с тобой. Только с тобой одной!
Лунный всадник, о нашей встрече
Знает лишь бриз да уходящий зной, зной, зной...

Млечный путь зовет, ты помнишь,
Лунный всадник мой?
Увези меня за полночь,
Сонного, домой.
Море шумело, билось,
И рокотал прибой.
Случилось!.. А что случилось?
Встретились с тобой.

Привет

Упаду в пути, а лучше
Под своей звездой.
Лунный всадник не разлучный,
Где же наш постой?
Море шумело, билось,
И рокотал прибой.
Случилось!.. А что случилось?
Встретились с тобой.

Привет

Сеньорита Сентября

Песня для гитариста Раиса Басырова

1. На ладонях сентября
Ты подарена березовому лесу,
А с фатой из серебра
Поразительно похожа на невесту.

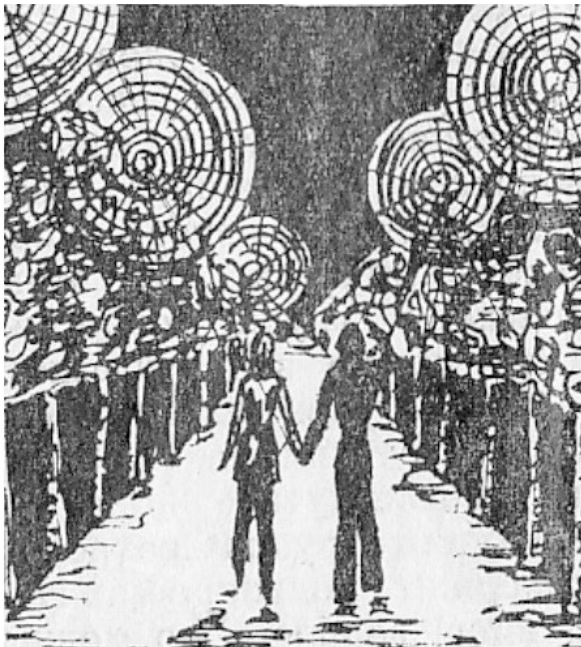
Припев

1. А венчальные плечи опечалились.
– Сеньорита Сентября! – я кричу, —
Этой осенью вы счастливы? —
И ты тихо наклоняешься к плечу.

Припев

2. Гости едут впопыхах,
Вина пьют, как заколдованные росы,
А на свадебных столах
Продают уж твои бронзовые косы.

Припев

3. Кучевые облака,
Словно лебеди, заснувшие в полете,
Приплывут издалека
И обронят белый пух на пёстром свете.

Привет

4. Стаей серых журавлей
Закружится наше счастье над полями.

Ты мне скажешь: «Не жале́й!» —
И умчи́шься в облака, за журавля́ми.

А венча́льные плечи́ опечали́лись.
– Сеньорита́ Сентябри́на, – я кричу́. —
Этой о́сенью вы счастливы́?
Вместе с вами́ улететь́ хочу́!

Милая

Милая, будь моим солнечным светом.
Милая, только б восход поспешил.
Утром я стану восточным поэтом
И опишу лучезарность вершин.

Милая, будь мне полуденной тенью,
Милая, пылкость мою освежи.
Тотчас же буду учиться я пенью,
Чтобы воспеть две влюблённых души.

Милая, будь мне закатной зарницей,
Милая, только уснуть не спеши.
Будем с тобою друг другу мы сниться,
Где-нибудь там, в поднебесной глуши.

Философская песня

На музыку Саши Холкина

Всё в этом мире – и мы, и листва... —
Созданы жить в гармоничном согласье.
Но, нарушая закон естества,
Род наш людской обречён на несчастье.

Вообразите планету
Без травы, без цветов.
Каменные реки,
Океаны песков...
Рубка елей, берез —
Как сожженье мостов.
Ну, а там, за мостом —
Наш отеческий кров.

Злоба и глупость пророчат беду.
Зависть неистово жаждет отмщенья.
Совесьть – одна! – в покаянном бреду
Молит за душ – согрешивших – спасенье.

Свадебная *Бардовская песня*

Шампанское – в правой.
Лукавая Янка...
Мне странно,
Хмельно мне и лестно.
Мы пара,
Мы пара для белого танца.
Меня пригласила невеста.

И танец и буря
В бокале с шампанским,
И зависть, и злость на партнёршу.
Ты шепчешь: «Я дура,
Какая ж я дура!
Того ли я выбрала Лёшку?»

Ах, Яна-Яна-Янка,
Не приставай так явно.
Свой тайный помысел открой.
Мне льстит твоё вниманье,
Но не дразни желанья
Воображения игрой.

На счастье!.. И об пол

Бокалом с шампанским.
Чужую невесту легонько
Пронёс через толпы
Гостей загулявших,
Слегка изумлённых вдогонку.

Жених, ты прохлопал!
Не пара ты Янке!
Ну что ж ты не крикнешь нам: «Горько!»?
Как сорванной пробкой —
Пощёчина дядьке.
Ах, дура ж ты, Янка, и... только.

Ах, Яна-Яна-Янка
Не приставай так явно.
Свой тайный помысел открой.
Мне льстит твоё вниманье,
Но не дразни желанья
Воображения игрой.

Эй, дружка, повторно
Для белого танца
Поставь аргентинское танго.
Какая нелепость,
Какая досада:
Меня игнорирует Янка.

И гости меж нами
Встают, как цунами,

Тесня меня до горизонта.
А Янка лукавит
Косыми глазами,
А я все кричу, словно зомби:

Ах, Яна-Яна-Янка
Не приставай так явно.
Свой тайный помысел открой.
Мне льстит твоё вниманье,
Но не дразни желанья
Воображения игрой.

Свадебная-2

Бардовская песня

Люблю тебя, свадьба! Ай, чувство какое...
Как будто пора женихаться,
Оставить свое словоблудье в покое
И к девкам в покои забраться,
И... и в сеновале льняные кудели
На палец, шутя, навивать и...
И свадебной деве – любаве и паве —
Запудрить мозги на закате!

Люблю эти свадьбы: широкие жесты
И шумные шорохи шёлка,
И чуткое чувство таинственной мессы,
И бурную брань кривотолка.
Люблю разговоры, горячие песни,
Такие, чтоб сердце хмелело,
А певчие хоры зашлись, словно в раже,
Душа б не покинула тело...

Но хватит об этом! Уж хочется плакать,
Прильнув к нашей свадебной паре.
И хочется выпить со всем белым светом,
Рука уже проситься к таре.
И – слава-те, богу – закуски готовы,

Стихи – как лимонная долька!
Пою мою оду супругам готовым.
Итак, дорогие, мне горько!

Лена Николаева

Бардовская песня

Лена Николаева, солнышко июльское,
Разнотравный сенокос, первый медогон...
Пахнет сено пряное водкой старорусскою,
Запах жалит жалом ос и – шиповников.

Лена Николаева, детские сандалии
Босы ноги отпустив, виснут на суку.
Чьи-то руки—обручи стиснуты на талии,
Поцелуй вишнёвых слив сорван на скаку.

Скачут годы конные нашей эры, кажется,
Наступает по утрам сладкой муки стон.
Попирая спаленки доски подоконные,
Беспричинно – по делам – ходит фараон.

Лена Николаева, Нефертити Юрьевна!
Глаз лазурная финифть принахмурена.
Женихи и хахали городка подлунного
Умудряются финтить, инфантильные!

Лена Николаева,
Пахнет сено пряное,
Поцелуй вишневых слив,

Сладкой муки стон...

Маруся, Маша, Марья

На музыку Саши Холкина

Постой. Не спеши. Поворкуем.
Про жизнь и любовь потолкуем.
Коснёмся друг друга и током
Внезапно сразит нас истома.
Маруся, Маша, Марья,
Давай закроем ставни...
И пусть поёт гитара
Про обнаженье тайны.

Луч закатный над изголовьем,
Словно меч, разделить нас не в силах.
Мы так жадно друг друга ловим,
Словно нежность вскипела в жилах.
Маруся, Маша, Марья,
Давай закроем ставни...
И пусть поёт гитара
Про обнаженье тайны.

Любить – значит выбрать разлуку —
Яд забвенья до будущей ночи.
Шепни. Я воскресну по звуку
Камертоном певучим. А впрочем...
Маруся, Маша, Марья,

Давай закроем ставни...

И пусть поёт гитара

Про обнаженье тайны.

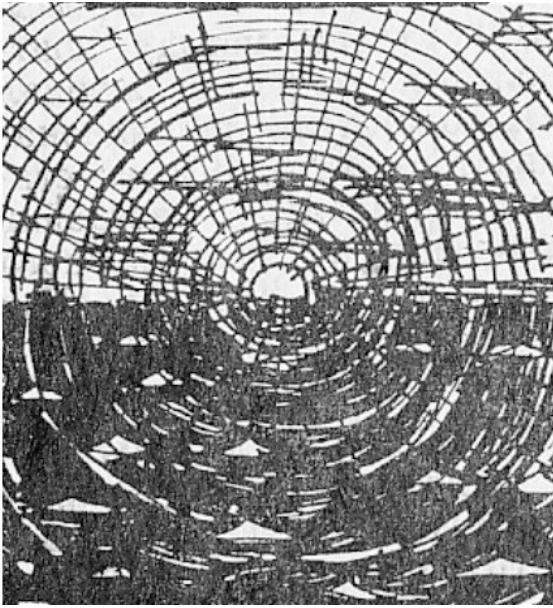
Лазурная песня

На музыку Анатолия Прохорова

Не знаю, не помню,
За что меня ангел пометил:
Шутя, начертал на лице восхищения знак.
На пепельном небе
Я звезды внезапно заметил
И аквамарины собрал в акватории дна.

Кораллы, кораллы, кораллы
Созвездий на небе.
Кораллы, кораллы, кораллы
Коралловых рифов
Я, словно Кусто, заблудился,
Но где бы я ни был —
Халиф я на час
И из самых счастливых халифов.

Я верю наивно
В слияние неба и моря.
Лазурь горизонта, как парусник, манит меня.
Лукавой русалкой

Богиня восхода Аврора
Выходит из пены морской при рождении дня.

Кораллы, кораллы, кораллы
Созвездий на небе.
Кораллы, кораллы, кораллы
Коралловых рифов
Я, словно Кусто, заблудился,
Но где бы я не был —
Халиф я на час

И из самых счастливых халифов.

Купается солнце
В лазоревом море восхода
И день обнажается
Благопристойно вполне.
Не знаю, не помню,
За что не даёт мне прохода
Небес синева, как русалка в лазурной волне.

Кораллы, кораллы, кораллы
Созвездий на небе.
Кораллы, кораллы, кораллы
Коралловых рифов
Я, словно Кусто, заблудился,
Но где бы я не был —
Халиф я на час
И из самых счастливых халифов.

Весна

На музыку Саши Холкина

Весна – как невест чрезвычайный съезд
На церемонии.

Царит целый мир с облаками небес
В нежной гармонии.

Весна – изо всех опьяняющих средств
Самое пьяное,
Дурманит своих прихожан и невест
Вербы дурманами.

Вербы свиданий и вербы любви,
Нежные вербы век...
Вновь распускаются вербы твои,
Мой дорогой человек.

Забавы любви нас дурачат вновь,
Вновь – обещания,
Что блудная в мир возвратится любовь,
Необычайная.
И каждый, мне кажется, каждый из нас
Вновь обмануться рад,
Готов окунуться в который уж раз
В сиреневый маскарад.

Сирени свиданий, сирени любви,
Сирень твоих нежных век...
Вновь расцветают сирени твои,
Мой дорогой человек.

Песня жениха

На музыку Саши Холкина

Выезжал на белом коне,
В терема сватов засылал.
А, ну выбирайте по мне,
Чтобы увидал – запылал!

Чур, не крива, чур, не квашня.
Чай, не засиделась поди...
Эй, держите, парни, меня,
Поперёд бегут сапоги.

Анна, будь моей женою,
Не держись за терема.
Анна, пропадёшь за мною...
Пропадёшь и без меня.

Ах, рубаха вся в петухах
И в кулачных битвах удал.
Да такого б нам жениха...
На божничке б век восседал.

Спешусь я спешно с коня,
На колено смаху паду,
Жемчугами девку маня,

Пагубную речь поведу.

Что же нам делать, сваты,
Коль отец и мать супротив?
Не захочет Анна идти,
Вам другой такой не найти!

Знать, гореть в крошечном аду,
Сдуру рай за жемчуг скупал.
Под венец попал и – пропал...
Без неё совсем пропаду!

Экстрасенс

Бардовская песня

Жил-был чудной экстрасенс,
Падших лечил и больных.
Денег не брал за сеанс.
Не было денег у них.

О, нищета, нищета, нищета!
Не моги сметь!
Нет на тебя ни меча, ни щита...
Только лишь смерть.

Правую руку он брал,
Мимо куда-то смотрел.
– Господи, этот не крал.
Грешен, что красть не посмел».

В космос незримо смотрел.
Может быть, звезды читал.
Вторить себе он велел.
Странные речи шептал.

О, нищета, нищета, нищета!
Не моги сметь!
Нет на тебя ни меча, ни щита...

Только лишь смерть.

Станный, чудной экстрасенс.

Разве он вылечить мог?

Денег не брал за сеанс,

Будто богач, или бог.

Сон

На музыку Саши Холкина

Господи, что за дела?
В зыбком предутреннем сне,
Снилось мне, что я была
Девой на белом коне.

Белый торжественный конь
Был мне и церковь и дом,
Жил заодно с седоком,
Зная и плеть, и ладонь.

Господи, что за дела?
Грубый сорвавшийся конь
Вышиб меня из седла,
Стать норовит седоком.

Как же я, господи, зла!
Кто меня спутал и сгрёб?
Боже, кому я дала
Бросить поводья в галоп?!

Господи, что за дела?
В смутный, решающий час
Я, словно лошади часть,

Вдруг закушу удила!

Вдруг, своенравная тварь,
Вскинусь локтями в дыбы:
– Хоть загони, хоть запарь,
Только не рви мне губы!

– Эй, дикошарая, сдай!
– В шпоры бери! В стремя!..
– Господи! Господи, дай,
Дай избавленье от сна.

Легенда о любви

На музыку Саши Холкина

Блѣклое золото лун
Меркнет в кувшине вина.
Пьян седовласый драгун
И маркитантка пьяна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.